IUDAICA RUSSICA (ISSN 2657-4861), 2023, nr 2 (11), c. 1–26

CC BY SA

DOI https://doi.org/10.31261/IR.2023.11.04

PIOTR CZERWIŃSKI
Uniwersytet Śląski
http://orcid.org/0000-0001-6575-5736

Атрибуты еврейского существования у Менделе Мойхер Сфорима (Фишка Хромой)

ATRYBUTY ŻYDOWSKIEJ EGZYSTENCJI W TWÓRCZOŚCI MENDELE MOJCHERA SFORIMA (*KULAWY FISZKE*)
Streszczenie: Praca poświęcona jest analizie utworu jednego z prekursorów nowej literatury żydowskiej (1835–1917). Postaci, w tym sam narrator, zostały w nim ukazane jako przedstawiciele ocalonej u progu XX wieku tradycyjnej kultury, obyczajów, zachowań, mowy i przyzwyczajeń, w typowym dla nich otoczeniu i sytuacjach. Pisarz konsekwentnie i dokładnie odtwarza portret tamtego świata wraz z jego charakterystycznymi i niepowtarzalnymi cechami. Przedmiot analizy stanowią tu właśnie wspomniane cechy. W tym celu wybrane zostały fragmenty opisujące najróżniejsze aspekty żydowskiej egzystencji, a następnie podzielone na grupy. Występujące w tych grupach parametry różnych sytuacji i cech zostały omówione z punktu widzenia ich semantyki i sformalizowane w postaci atrybutów odnoszących się do aspektów ogólnych (nie tylko żydowskich), jak i specyficznych (typowo żydowskich) oraz subiektywnych (charakteryzujących poszczególne osoby). Bazując na tych ostatnich, udało się stworzyć ogólny i całościowy obraz wraz z towarzyszącymi mu atrybutami, ukazujący Żydów i naród żydowski wraz z typowymi dla nich miasteczkami i wspólnotami. Wydzielono łącznie 22 hierarchicznie uporządkowane parametry, a następnie zilustrowano je przykładami i opisano jako pewne konceptualne konstrukcje odzwierciedlające specyfikę świadomości przedstawicieli danej kultury mentalnej.
Słowa kluczowe: mentalność, cechy etnokulturowe, atrybuty, schematy konceptualne, paradygmatyka, typologia

ATTRIBUTES OF THE JEWISH EXISTENCE IN THE WORKS OF MENDELE MOCHER SFORIM (*FISHKE THE LAME*)
Summary: The paper deals with the analysis of a work by one of the precursors of the new Jewish literature of 1835–1917. The characters and the narrator himself were shown as the representatives of the saved, traditional culture of the early 1900's with their traditions, behaviour, dialect and habits in the specific environment and everyday situations. The writer presents the picture of that world in a very consistent and precise way together with its characteristic and unique features. These features are analysed in this paper. Thus the selected parts have been taken into consideration. Those parts describe various aspects of the Jewish existence and they have been divided into groups. The parameters of various situations and features which are presented in those groups, (have been) described from the point of view ot the semantics and (have been) formalized as the attributes referring to the general aspects (not only of Jewish character), as well as those very specific ones (typically Jewish) and those subjective in character (referring to individuals). The ones of the subjective character are the starting point of creating the general and complete picture of the Jews and the Jewish nation with the associated attributes. These attributes show the Jewish towns and communities. 22 parameters have been selected and put in the hierarchical order, then illustrated with some examples and finally they have been described as some conceptual constructions which reflect the specificity of the consciousness of the mental culture presented above.
Keywords: ethnocultural features, attributes, conceptual schemes, paradigmatics, typology

Изображение еврейского мира с его окружением у выбранного для анализа автора[1] характеризуется не столько контрастом, которого можно было бы ожидать, сколько разнообразием и внутренним несоответствием. Несоответствие это своеобразно и вместе с тем типологично. Гармония и органичность, предполагающие не только и не столько позицию того или иного объекта на ему положенном месте, сколько его согласованность с ожидаемыми признаками, не то, чтобы нарушаются, а выглядят, хотя и не смещенно, но на свой лад. Данное положение, собственно говоря, и было мотивом предпринятого рассмотрения[2].

[1] Настоящее имя Шалом Я'аков Бройде, а также Шолем Янкев Абрамович (1835–1917), основоположник новой еврейской литературы, писал на иврите и идише.

[2] Отношение к творчеству выбранного нами автора отличает подход, главным образом, описательно-ознакомительный. Представить данное положение можно в трех проявлениях: то, что касается истории жизни и биографии Менделе с общей характеристикой написанных им в разное время произведений; то, что касается его как создателя литературной нормы и литературного языка для идиша (произведения на иврите им создавались в начале и под конец всего творчества), и то, что касается данного автора как классика и одного из основоположников новоеврейской литературы. К этому стоит добавить, что интерес к нему, помимо сведений, в том числе и обширных, помещаемых в различных энциклопедиях, связывается нередко с юбилейными датами – к 25-летию творчества (1884), к 75–летию (1911), к 10–летию смерти (1927, 1928), к 100-летию (1935, 1936), к 100–летию смерти (2017). Немалое место занимают также сведения о нем и его творчестве в очерках новоеврейской литературы. Собственно исследовательского, т.е. аналитического, а тем более не исключительно литературоведческого, интереса к произведениям Менделе не находим. Приведем лишь некоторые позиции, иллюстрирующие указанное отношение, расположив их хронологически (различение иного рода было бы трудным, особенности русской орфографии до 1918 г. для простоты опустим): Бен-Иосиф, *Очерки новоеврейской литературы: С.М. Абрамович и его 25–летняя деятельность*, «Еврейские обозрения» 1884, Санкт-Петербург, кн. 7, с. 129–144; Л. Биншток, *Праздник жаргонной литературы: С.М. Абрамович и его 25-летняя литературная деятельность*, «Восход" 1884, № 2, с. 1–32; М. Абрамович, *Сион Магуды га-Леви (посвящается Соломону Моисеевичу Абрамовичу)*, «Восход» 1886, № 8, с. 165–172; *Менделе Мойхер Сфорим (Шолем Янкев Абрамович): В честь его 75–летнего юбилея*, Издание Киевского комитета Еврейского литературного общества, Киев 1911; М.Я. Пинес, *Классические писатели маскилитской эпохи. Ш.Я. Абрамович (Менделе Мойхер-Сфорим)* // М.Я. Пинес, *История еврейской литературы: на еврейско-немецком диалекте*, пер. с нем. с предисл. и доп. С.С. Вермель, Универсальное книгоиздательство Л.А. Столяръ, Москва 1913, с. 116–157; А. Абчук, *Менделе Мойхер-Сфорим (Ш.Я. Абрамович): Его жизнь и его произведения*, Культур-Лига, Киев 1927; *Менделе Мойхер Сфорим (Ш.Я. Абрамович): К 10–летию его смерти: Схема для работы в школах*, Крайнаркомпрос, Одесса, 1927; *Менделе и его эпоха: к 10–летней годовщине со дня смерти*, «Культур-Лига», Киев 1927; И. Яхинсон, *Эпоха Менделе: Антология*, Культур-Лига, Киев 1927; Н. Абрамович, А. Добрин-Абрамович, *Дедушка между своими и чужими: Воспоминания дочерей Менделе*, Культур-Лига, Варшава 1928; *Менделе Мойхер-Сфорим: Его жизнь и его труды*, Издательство «Менделе», Варшава 1928; *Менделе Мойхер Сфорим: Юбилейный альбом*, Издательство «Менделе», Варшава и др., б.д.; М. Вайнрайх, *Картины из истории еврейской литературы: С начала до Менделе Мойхер-Сфорима*, Издательство «Пальма» Иосифа Камермахера, Вильно 1928; М. Шалит, *Календари в нашей литературе: От Менделе Мойхер Сфорима до нынешнего времени*, Старое–Новое, Вильно 1929; Б. Эпельбойм, *Дедушкин закат*, Издательство Х. Бжозы, Варшава 1931; И. Нусинов, *Менделе-Мойхер-Сфорим*, Литературная энциклопедия, т. 7, ОГИЗ РСФСР, "Советская Энциклопедия", Москва 1934, стлб. 150–157; М. Винер, *Этюды о Менделе*, Дер Эмес, Москва 1935; Ш. Нигер, *Менделе Мойхер-Сфорим*, Чикаго 1936; У. Финкель, *Менделе Мойхер-Сфорим: Детство и юность*,

Сложившаяся традиция, с ее обычаями, нравами, представлениями и привычками, характеризуется, в первую очередь, тем (опуская все остальное), что можно назвать проверенной веками, если не тысячелетиями, *притертостью*, при которой все, всё и всякое каждое, занимая положенные им по природе и роли места, обладают своими распознаваемыми и неизменными признаками. Всякому, не относящемуся к ней, к этой традиции, могут они казаться странными, нелогичными, необъяснимыми. Не этого можно было бы ожидать от писателя, который пишет на своем языке для своих[3], но который при этом подчеркивает и заостряет типичную, распознаваемую, не то, чтобы нелогичность, а, скорее, несогласованность, в ряде случаев противоречивость, того, что имеется, тому, что могло бы быть, как-то иначе выглядеть, по-другому действовать и не так себя проявлять. Это второе, однако, не объявляется. Стои't за этим позиция, которую можно коротко определить словами «хорошо ли, плохо ли, а вот так мы живем, и ничего с этим сде-

1 часть. Государственное издательство Белоруссии, Минск 1937; А. Каган, *У реки Гнилопятки: Эпизод из жизни Менделе Мойхер-Сфорима*, Детиздат при ЦК ЛКМСУ, Харьков 1937; *Менделе и его время: Материалы к истории еврейской литературы в XIX столетии*, Дер Эмес, Москва 1940; *Das Mendele Buch. Latters and autobiographical sketches, photos, drawings, facsimiles of Mendele Moycher Sforim*. Essaes and ed. N. Mayzel, New–York 1959; Н. Майзель, סאָד מענדעלע־בוך («Книга Менделе» – на яз. идиш), ИКуФ, Нью-Йорк 1959; И. Друкер, *Дедушка Менделе*, Еврейская книга, Варшава 1964; S. Liptzin, *A History of Yiddish Literature*, Jonathan David Publishers, Middle Village, New York 1972, p. 40–45; С. Боровой, *Воспоминания*, Москва – Иерусалим 1993 (имеются, в том числе, воспоминания о жизни и деятельности Менделе в Одессе до 1917 г.); Х. Турнянски, *Первые произведения Ш.Я. Абрамовича на языке идиш*. Х. Турнянски, *Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы*, Open University of Israel, 1995, ч. 5: Язык и литература, с. 106–125; Е. Абрамович, *Наш Менделе: Дневники дочери Менделе Мойхер-Сфорима (Шолома Якова Абрамовича) Надежды Абрамович с комментариями и дополнениями современников и потомков*, Ruxanda, Кишинёв 1999; *Книгоноша Менделе: проза М. Мойхер-Сфорима. Воспоминания и статьи о нем*, сост. А.А. Мисюк, Е.Л. Яворская, Екология, Одесса 2017; А. Горобчук, *Менделе Мойхер-Сфорім (Абрамович Соломон Мойсейович)*, «Мій Бердичів», 12 серпня 2008; *Последнее предисловие «дедушки»: К 100-летию со дня смерти Менделе Мойхер-Сфорима*, «Народ Книги в мире книг» 2017, № 131.

3 Хотя вопрос о *своем языке для своих* в случае Менделе, вовсе не выглядит так однозначно. Не углубляясь в проблему, поскольку это не наш предмет, ограничимся только одной, знаменательной в данном смысле, цитатой: «На фоне свойственного для сторонников еврейского просветительского движения ‘Гаскала’ пренебрежительного отношения к идишу, творчество Менделе на этом языке представлялось многим слишком ‘элитарным’, не подходящим для малообразованной читательской массы, не владевшей ни ивритом, ни русским, ни немецким, ни польским. Но именно эта ‘элитарность’ превратила его прозу в тот фундамент, на котором зиждутся все шедевры последующей прозы на идише. Не даром Шолом-Алейхем прозвал Менделе Мойхер-Сфорима «дедушкой еврейской литературы». (*Сохранение культуры идиша. Менделе Мойхер Сфорим*, https://yiddish-culture.com/ru/literature_ru/mendele-mocher-sforim_ru/ [18.01.2024]). И в подтверждение данного положения: «написанные на идише произведения «дедушки еврейской литературы» первоначально воспринимались как чрезмерно ‘сложные’ для владеющего только идишем малообразованного читателя». (Н. Майзель, סאָד מענדעלע־בוך («Книга Менделе» – на яз. идиш), Нью-Йорк, 1959, с. 291, Цит. по: В. Чернин, *«Многого реб Хаим-Шулим и не разобрал». Идиш как субстрат русского языка Осипа Рабиновича*, https://www.lechaim.ru/ARHIV/176/chernin.htm [03.01.2024]).

лать нельзя». Допустимо задаться вопросом – каково задание подобного отображения и, говоря по-школьному, что автор хотел сказать? Опустим, однако, этот вопрос, не потому, что не следует им задаваться, а потому, что, цитируя анализируемое произведение (в переводе), «не в этом суть». Суть предпринятого рассмотрения, которая сводится, опираясь на то, что было заявлено, к отображению того, что и как отражается, какими определяется для него характерными признаками, какие можно увидеть в том и другом черты. Все остальное, что можно увидеть и выводить, выглядеть будет как следствие.

Прежде чем перейти к тому, что будет предметом анализа, покажем затронутый поворот на примере начала текста (курсивом выделены соответствующие фрагменты):

> Едва пригреет солнце и в стране нашей настанет лето красное, когда люди как бы рождаются вновь, а *сердца их ликуют при взгляде на прекрасный божий мир,* — как *у евреев начинается самая унылая пора*, пора скорби и слез. Вереницей тянутся *печальные дни* постов, самоистязания, стенаний и плача – от самой пасхи и вплоть до осенней слякоти и промозглых осенних холодов. И для меня, Менделе-книгоноши, наступает тогда самая *страдная пора*: я тружусь, день за днем разъезжаю по городам и весям и снабжаю сынов Израиля всем необходимым для плача: скорбными песнопениями, покаянными молитвами, специальными молитвами для женщин, всякого рода причитаниями, молитвенниками на будние и праздничные дни. Словом, *евреи все лето рыдают, слезами заливаются, а я тем временем дела делаю*… Но не в этом суть[4].

Люди – *ликуют* и радуются (*при взгляде на прекрасный божий мир*), а евреи, наоборот, для них это *пора скорби и слез* (потому ли, что не видят прекрасного божьего мира, а может, именно потому? Опуская, однако, религиозное объяснение, ибо *не в этом суть*). И далее: евреи *все лето рыдают* – а я *дела делаю* (как будто меня это не касается или касается не до конца).

[4] Название повести в оригинале *Фишке дер Крумер* (1869). Имеется опубликованный перевод «съ еврейскаго» Т. Гейликмана (Москва 1913, книгоиздательство "Польза", В. Антикъ и К°). Для удобства и близости к современности мы пользовались текстом, помещенным на сайте Moyher-Sforim Fishka_Hromoy_RuLit_Net.rtf [03.01.2024]. Автор перевода не указан. Имеется перевод М. Шамбадала в книге Менделе Мойхер-Сфорим, *Маленький человечек. Путешествия Вениамина Третьего. Фишка Хромой*, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1961. Текстологические расхождения переводов, равно как и их соответствие оригиналу для предпринятого анализа значения не имели. О переводах литературы с идиша и иврита на русский, с учетом их достоинств и недостатков, к тому же трудно судить. Как отмечает А. Френкель, «библиография литературы о евреях на русском языке, в том числе и библиография переводов с идиша и иврита, разработана весьма слабо. Даже книжные издания советской эпохи описаны неполно и неточно. Что уж говорить о дореволюционных. […] никогда нельзя быть до конца уверенным, что где-нибудь в библиотечной пыли не покоится более ранняя русская версия того же произведения». (А. Френкель, *Еще раз о «Вступительном слове» Менделе*, „Народ книги в мире книг". Еврейское книжное обозрение, Санкт-Петербург 2023, с. 1)

Не следует из этого, хотя бы и объяснимое по внешнему виду, противоположение 'люди / евреи', с одной стороны, поскольку иначе на божий мир реагируют, и 'евреи / я', с другой, поскольку занимаюсь не тем, чем они. Все это многограннее и сложнее. Обращаясь к анализу, – возникает позиция 'лета', в которой можно усматривать признаки a) пробуждения (для природы, а с нею людей), b) сердечного ликования (для людей), c) унылости, скорби и плача (для евреев), d) страды (для людей и меня). Все это, взаимодействуя, переплетается, сходясь и вместе с тем расходясь. Имеется некое общее, в составе которого наблюдается нечто особенное, а в этом особенном себя проявляет еще одно, то, что и общее, и особенное, и свое собственное, в нем отдельное, с ним связанное и в нем не специфичное. Представить это можно в таком положении:

Общее	Особенное	Субъективное
Подъем	Падение	Деятельность

Имеется, следовательно, позиция общего, или мутуатива, *Mut*[5], позиция своего как особенного, проприатива, *Propr*, и позиция субъективного, субъектива, в составе проприатива, или особенного своего, *Subj*, не противоречащая ему, но и не полностью с ним совпадающая.

Выводится также, из первого же открывающего абзаца, то, что распределяется в соотношении внешнего окружающего, *Exter*, – природа, мир, страна, лето, люди, в котором допустимым было бы выделить далее внешнее темпоральное, *ExTemp* (день за днем), внешнее погодно-сезонное, *ExTempest* (лето красное, осенняя слякоть, промозглые осенние холода), внешнее природное, *ExNatur* (солнце, божий мир), внешнее социальное, *ExSoc* (люди), внешнее пространственное, *ExSpat*, (страна), внешнее объектно-локальное, *ExLoc* (города и веси). Выделяются также позиции внутреннего своего, *Inter*, в которое входит и к которому относится 'я' субъектива, как его составная, но и отдельная часть.

В процитированном первом абзаце в этом 'внутреннем своего' отмечается следующее:

- внутреннее свое обобщенного целого, интегратив, *InIntegr* (евреи, еврейский народ, сыны Израиля), в составе которого определяет себя позиция

[5] Латинизированные обозначения, вне связи с противоречием между Иудеей и Римом, даются для терминологического удобства и целей формального описания.

- части обобщенного целого, партитив интегратива *lnIntegr(Part)*[6] (женщины)

- внутреннее свое темпоральное (унылая пора скорби и слез, печальные дни постов, самоистязания, стенаний и плача – от самой пасхи и вплоть до осенней слякоти, будние и праздничные дни)

- внутреннее свое субъектива, или индивидуально-личного проявления, приватива интегратива, в позициях:

- темпорального, в составе темпорального внутреннего своего (страдная пора, день за днем /разъезжаю/)

- акционального (тружусь, разъезжаю по городам и весям, снабжаю сынов Израиля всем необходимым для плача)

- внутреннее свое ритуального проявления в позициях:

- текстуально-вербальной объектности (скорбные песнопения, покаянные молитвы, специальные молитвы для женщин, всякого рода причитания, молитвенники на будние и праздничные дни)

- совместно переживаемого состояния (все лето рыдать, заливаться слезами)

При обращении к тому, что выделено в отношении 'внутреннего своего', или проприатива, как типично и не только типично еврейского, но в нем себя собственным образом проявляющего и обнаруживающего, с учетом того, что находит свое отражение в выбранном для анализа тексте в последующем, выявляется A) то, что касается человека, смертных, людей (как евреев), B) то, что касается внешних объектов, предметностей, B1) одушевленных и B2) неодушевленных, C) то, что касается проживаемых состояний, статальностей, D) то, что касается вышнего, горнего, нечеловеческого, трансцендентного.

Продвигаясь далее, по тексту и в различениях, представляется допустимым выделить, в отношении группы A (человека, евреев), как наиболее характерное[7] и как структурно организуемое, т.е. в отвлечении от порядка его появления в тексте, следующие параметры в их соотношениях (некоторые из них приходится повторить):

A внутреннее свое обобщенного целого, интегратив (еврейский народ, евреи в отличие от неевреев)

A1 внутреннее свое социальное, групповое, социалис (местечко, община, сообщество)

[6] Подразумеваемые формульные обозначения далее опустим, с тем чтобы дополнительно не осложнять представления.

[7] Автор не ставил перед собой задачи полного описания всего возможного и в тексте встречающегося, ограничиваясь методологически-иллюстративной целью.

A1a внутреннее свое как множественность, совокупность, какое-то число, плюралис (евреи где-то в каком-то числе)

A1b внутреннее свое в его множественном либо единичном проявлении обращения, выхода к внешнему социальному, неевреям, в контакте и взаимодействии с ним, плюральный либо сингулярный адверсатив (ярмарка)

A1c внутреннее свое отделяемое, обособляемое, маргиналис (калеки, хромые, нищие)

A2 внутреннее свое отдельно-типичного проявления, сингулятив (еврей в его специфичности)

A2a внутреннее свое распознаваемо-значимой формы, фигуратив (облачение, борода, пейсы), и то, как выглядят, могут типично выглядеть, те или иные его представители, форматив (характерные признаки внешнего вида, внешности, черт лица и т.п.)

A3 внутреннее своего другого, как отдельного, фамилиарис (еврей при встрече, беседе, контакте с ним, со стороны я, говорящего)

A3a внутреннее свое в его взаимодействующем проявлении единичного к единичному, одного к другому, контактив (сватовство, разговор двух евреев между собой)

A4 внутреннее свое индивидуально-личного проявления, приватив (разговор, беседа с самим собой, обращение к себе, внутренняя борьба, размышления)

И, соответственно, в группе B, для предметностей:

B1 одушевленные:

B1a внутреннее свое животного соположения, анималис (лошади, козы, коровы)

B2 неодушевленные:

B2a внутреннее свое орудийного положения, инструменталис (фургон, кибитка)

B2b внутреннее свое пропитания, нутритив (дорожная пища в котомке, еврейские блюда, еда)

B2c внутреннее свое пространственно-локативного положения, локатив (баня, кладбище, синагога)

Для C, состояний:

C1 внутреннее свое физического характера, кондиционалис (то, как себя чувствуют и что для еврея типично в таком отношении)

C2 внутреннее свое переживаемых совместно заболеваний, эпидемий, смертей, (холера)

Для D, трансцендентное:

D1 внутреннее свое, предполагающее обращение к Всевышнему, взаимодействие с Ним, дивинитив (молитва, цитирование Писания, фрагментов религиозных текстов, различного рода ритуальные и не только ритуальные формулы)

Показанное распределение, полученное на основе взятого для анализа текста, представляет собой структуру отображаемого существования, бытования евреев, как этнокультурной группы, в своем кругу. Первое, что обращает на себя внимание, это количественное неравенство выведенных параметров, равно как и их представленность в произведении. Действует это следующим образом. Имеется, для сознания и в сознании, некая концептуально оформленная картина, схема, являющаяся следствием обобщенного опыта, которая способна себя отражать, будучи перед этим усвоена, с помощью типичных для нее вербализованных форм в виде слов, устойчивых оборотов, конструкций, коммуникативных и не только коммуникативных формул. Значимым и показательным становится в этой связи то, что дифференциация в группе A, своего обобщенного целого, интегратива, оказывается наиболее проработанной, при дополнительности всего остального. В то же время, в тексте, как в художественном произведении, предполагающем изображение, наибольшее по представимости место[8] отводится параметрам A4, личного проявления, A3, своего другого при контактирующем взаимодействии с ним, а также, далее и впоследствии, выходя нередко на первый план, D1, трансцендентного обращения, A2, при отображении отдельных образов в их специфичности, внешнего облика, поведения, характеров, и B1a, при изображении лошади, обращении и беседе с ней.

Поскольку предметом нашего рассмотрения были выбраны атрибуты[9], определяемые к еврейскому существованию

[8] В силу ограниченности объема анализ производился с опорой на первые пять выделяемых в тексте частей, сказанное в отношении представимости не следует поэтому относить ко всему произведению.

[9] Касаясь понятия атрибута и атрибутивности, стоит иметь в виду, по крайней мере, три ведущих о нем представления: философское, в котором атрибут понимается как «неотъемлемое свойство объекта, без которого он не может ни существовать, ни мыслиться» (*Новейший философский словарь*, https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/128-атрибут [0.01.2024]); общеупотребительное, книжное – «Постоянная принадлежность, характерный признак» чего-либо (*Словарь русского языка в четырех томах*. Изд. 2–е. Гл. ред. А.П. Евгеньева, т. I, Москва 1981, с. 51), и лингвистическое, при котором атрибут объясняется как определение, реализуясь далее в конструкциях с атрибутивными отношениями, основным средством которых для русского языка считаются прилагательные. «Семантика слова ‘атрибутивность’ восходит к понятию «свойство» [. . .] Нечто обладает атрибутивностью, если существует как свойство какой-то вещи» (И.В. Дмитревская, *Проблема реальности*

в изображении Менделе Мойхер Сфорима, необходимым было бы объяснить подобное положение в его составляющих. Выбранного автора характеризует подчеркнутая типичность в передаче того, что отмечает собой еврейское. «В моих сочинениях», – как пишет он сам, – «дан образ еврея со всеми его характерными чертами» и, продолжая далее, говорит, если не о контрасте, то о сочетании и разделении сходно-несходного, присутствии разного, различающегося в их объединении и в одном, – «если он иной раз и поет что-нибудь веселое, издали кажется, что он плачет, заливается слезами»[10]. Небезразлично и показательно для выбранного нами предмета это самое *издали*. Есть, имеется, что-то внутри, которое, не обязательно постороннему, но также, возможно, и своему, показаться может чем-то совсем другим, если не прямо про-

в философии И. Канта, https://kant-online.ru/wp-content/uploads/2014/04/09, с. 83 [03.01.2024]). С чем-то подобным, хотя не так прямо, связывается представление об атрибутивности как о семантической категории, устанавливающей подобный тип отношений. Имеется также еще одно представление об атрибутивности, как о грамматической категории, которая внешне выражается в противопоставлении полных (атрибутивных) и кратких (неатрибутивных, предикативных) форм прилагательных, предполагая способность первых выступать в атрибутивной связи с существительными (А.А. Зализняк, *Русское именное словоизменение*, Наука, Москва 1967, с. 88). И еще одно, связываемое с интерпретацией сообщения, представление об атрибутивности, как о неопределенности, в противопоставлении референтности (отнесенности к называемому предмету): «Атрибутивность имеет место, когда говорящий не располагает какой-либо релевантной информацией, индивидуализирующей референт, за исключением той, которая сообщается в высказывании». (А.Д. Шмелев, *Русский язык и внеязыковая действительность*, Языки славянской культуры, Москва 2002, с. 117). Нет возможности данные положения обсуждать, видя в сказанном различного рода проекции и применения чего-то общего, если иметь в виду такие маркеры атрибутивности, как 'определяющая предмет характерность', 'неотъемлемость для сознания связи с ним' и следующая из этого 'концептуальная принадлежность объекту'. Назовем только некоторые лингвистические работы, касающиеся данной темы и объясняющие тот или иной поворот ее понимания: П. Коул, *Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза*, «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 13, Прогресс, Москва 1982, с. 391–405; П.В. Гращенков, *Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности*, Языки славянской культуры, Москва 2019; М.М. Гусейнова, *Категория атрибутивности и ее выражение в даргинском языке*, дис… канд. филол. наук, Махачкала 2002; Д.Р. Ханаху, *Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ)*, дис… канд. филол. наук, Майкоп 2007; Ж.К. Заллединова, *Атрибутивные и предикативные средства выражения принадлежности в английском и русском языках*, „Филология и лингвистика в современном обществе", Материалы I Международной научной конференции (Москва, май 2012), Ваш полиграфический партнер, Москва 2012, с. 64–66; Э.Т. Кумыкова (Гучапшева), *Об акциональности / неакциональности семантического компонента имени и его актуализации в адъективном словосочетании*, «Научный диалог» 2018, № 5, с. 83–92; Т.Б. Заграевская, М.Д. Дубовский, С.М. Заграевская, *Валентность и сочетаемость в структуре англо- и русскоязычных многокомпонентных атрибутивных словосочетаний*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2023, т. 16, вып. 5, с. 1579–1584; Л.Г. Хабибуллина, *Атрибутивность как семантическая категория*, «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» 2023, т. 45, № 5, с. 62–66.

[10] Moyher-Sforim_Fishka_Hromoy_RuLit_Net.rtf [03.01.2024]. Здесь и далее все цитаты берутся отсюда.

тивоположным. Возникает проблема я и другого в этой связи, я как другого и другого в смысле не-я. Этот другой, отвлекаясь от философских и психологических аспектов проблемы[11], может быть, в контексте и русле анализа, определен и воспринят как наблюдатель, присутствующий, слушающий, видящий и читающий. И цитируя далее: «Этот меланхолический певец поет свои песни и заливается на грустный лад как раз в весеннюю пору, когда весь мир словно вновь рождается, когда все цветет, благоухает, сияет и светится и у каждого радостно на душе». Опуская историческую обусловленность того, что под *весенней порой* имеется в виду намечавшееся в 60–х годах XIX столетия смягчение системы репрессий против евреев и смотря на все это с образно-обобщающей перспективы, можно и стоит увидеть в сказанном то, что было ранее выделено и определено как еврейское состояние (внутреннее свое обобщенного целого) в его отражении и проявлении к своему отдельно-типичного (сингулятив) в окружении внешнего – того, что вокруг, другие люди, мир, страна и природа. За этим стоит, соответствующим образом понимаясь, тот каждый, у которого *радостно на душе*, из чего будет следовать, что певец тот – не каждый и не так, чтобы было радостно у него на душе. Об этом, собственно, и повествование, о том, что грустно – в том, что вроде бы и не так, чтобы было печально, грустно исходно, по самому своему существу.

Теперь то, что касается атрибутов. Согласно с выведенной и показанной в параметральных ее проявлениях концептуальной и парадигматической схемой, обратимся для иллюстрации к следующему после процитированного в самом начале абзацу (отметив курсивом то, что будет предметом дальнейшего обсуждения):

> Разъезжая таким образом [с тем чтобы снабжать сынов Израиля всем необходимым для плача], я однажды ранним

[11] Из немалого числа работ, посвященных данной теме, назовем только некоторые: М. Бубер, *Я – Ты*; М. Бубер, *Два образа веры*, Республика, Москва 1995, с. 16–92; Р. Штихве, *Амбивалентность, индифферентность и социология чужого*, „Журнал социологии и социальной антропологии", 1998, т. 1, №1, с. 41–52; Э. Левинас, *Время и Другой. Гуманизм другого человека*, Высшая Религиозно-Философская Школа, Санкт-Петербург 1998; Ж.-П. Сартр, *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*, Республика, Москва 2000; Ж. Делёз, *Мишель Турнье и мир без Другого*. Ж. Делёз, *Логика смысла*, Академический проект, Москва 2011, с. 395–421; Т.Х. Керимов, *Гуманитаризация обществознания и проблема Другого*; «Другой» в пространстве коммуникации, Изд. Казанского гос. ун-та, Казань 2007, с. 7–21; Е.Е. Кудакова, *Интерсубъективность и диалог (опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я – Другой)*, дис… канд. филос. наук. Ростов-на-Дону 2002; Е.В. Кантемиров, *Проблема Другого в современном обществе*, Дис… канд. филос. наук. Екатеринбург 2004; Е.Н. Шапинская, *Образ Другого в текстах культуры*, URSS, Москва 2012.

утром, в день Семнадцатого Тамуза[12], сидел на облучке своего *фургона*. На мне, как и полагается, был *талес, филактерии, а в руках – кнут*. Глаза мои были закрыты, чтобы *не отвлекаться во время молитвы созерцанием божьего мира*. Но словно назло, она, эта так называемая *природа, была удивительно хороша*, и меня как зачарованного *тянуло полюбоваться ею*. Я долго *боролся с собой*. *Дух добра* твердил мне: «Фу! Не полагается!..» Но *лукавый, приоткрывая мне один глаз, не переставал подстрекать*: «Глупости! Наслаждайся, чудак этакий!»

Появляется образ *фургона*, который 'свой', предполагает 'сидение на облучке', а также то, что на нем 'разъезжая', – для того, чтобы, как это следует из начала рассказа, 'делать дела', суть которых состоит в 'снабжении сынов Израиля всем необходимым для плача'. *Фургон* представляет параметр B2a (орудийного положения субъекта, его отношения к орудию своей деятельности) – в атрибутах, указанных в одинарных кавычках, определяемых в значениях обладания (поссессивности, 'свой'), размещения, нахождения в нем либо на нем (диспозиции, 'сидение на облучке'), разнонаправленного передвижения, перемещения в пространстве, с его помощью и на нем (модулятивной транспозитивности, 'разъезжая'), с целью осуществления своей деятельности (акциональность, 'делать дела'), возможной в силу того, что фургон представляет собой помещение, емкость, в котором можно что-то, перевозя, содержать (контентность), а таковым содержимым, в силу производимой деятельности, является то, что предполагает 'снабжение сынов Израиля всем необходимым для плача' – контентно-акциональный объект. Контентный по отношению к фургону, как инструменту производимой деятельности, акциональный – по отношению к производителю этой деятельности, или агенту, главному персонажу и повествователю, Менделе-книгоноше.

Отмеченные атрибуты, объединяясь, составляют конструкцию[13], в составе которой только один компонент (контентно-акциональный объект) следует относить к еврейскому существованию. Все остальное характеризует фургон вне подобного отношения, с отнесением к тому, что было ранее обозначено как общее внешнего, мира как такового и в нем

[12] День поста (обычно в июле) — в память осады Иерусалима вавилонским царем Навуходоносором.

[13] Ее можно отобразить в формализованном виде, но мы этого в данном месте делать не будем, чтобы дополнительно не усложнять.

всех людей. Возникает его (фургона) таковая специфика в силу того, что агентом производимой деятельности выступает еврей и что используемый им для этого инструмент (все тот же фургон) определяется им как ‘свой’. Следует из этого представление об отмечаемой (связью с тем, что еврейское) деятельности и о том, что, в том же ключе, следует воспринимать и определять соответствующим образом как ‘свое’.

Конструкция, о которой речь, непосредственно связывается с сознанием и в нем, в этом сознании, существует, – как для носителей еврейской этнокультурной традиции, так и для тех, кто к ней не принадлежит, но, взаимодействуя, сталкиваясь с ее представителями, отдает себе в этом отчет и соответствующем образом воспринимает. Проявляется это нередко, способно было себя проявлять, в описываемых у Менделе Мойхер Сфорима социальных условиях второй половины XIX столетия (других условий касаться не будем) в особом, не столько враждебном, сколько подчеркнуто отделяющем отношении. И это также может быть характеризующим, сопровождаясь своими параметрами, для того, что, будучи названо нами *еврейским существованием*, соответствующим образом определяет данный предмет.

Покажем это с опорой на текст. Главный герой, рассказчик, попадает своим фургоном в лужу, а заднее его колесо цепляется за ось другого фургона, в котором едет его соплеменник, отчего они оба, не будучи в состоянии справиться с произошедшим, ведут обстоятельный диалог, в то время как дорога оказывается загорожена для продвижения. И в какой-то момент *на дороге показалось несколько крестьянских возов*.

> Еще издали крестьяне подняли крик: почему загорожена дорога? А подъехав поближе и увидев меня и Алтера облаченными в *талесы, с огромными филактериями на лбу и длинными, широкими ремнями, болтающимися на шее*, они *грубовато, с насмешкой* закричали:
>
> — *Бачите*, *яkі фанаберіі цяці*… Егей, трясця вашій матері дайте дорогу! Ей, швидче, жидки, *лапсердаки*!

Обратим внимание на выделенное курсивом. Крестьяне распознают в героях евреев по признакам внешнего вида – *талесы*, *филактерии с ремнями на шее*, после чего реагируют *грубовато*, *с насмешкой*, а в этой реакции можно увидеть, во-первых, объединяющий вводимое обособление призыв – *Бачите*, во-вторых, аспект подчеркиваемого социального неравенства в ироническом сопровождении – *яkі фанаберіі цяці*, и, в-третьих, определение еврея как не своего по распознаваемой одежде – *лапсердаки*. Далее происходит совместно организуемое действие:

> Мы с Алтером тотчас же с жаром взялись за наши фургоны. Несколько крестьян, надо правду сказать, хоть они и не евреи, *великодушно стали нам помогать*. … Не будь их, мы бог весть сколько времени провозились бы тут да еще вдобавок могли *позорно порвать свои талесы*. А с мужичками дело сразу пошло на лад: они толкали по-настоящему, крепкие руки дали себя почувствовать; мы же, не в пример им, больше кряхтели, чем на самом деле толкали…

Опустим намеренно отмечаемые автором характеристики внешнего проявления – то, что *с жаром* (*взялись за фургоны*), то, что *больше кряхтели, чем на самом деле толкали*, – важно для нашей задачи другое, то, что мужички *великодушно стали нам помогать*, с одной стороны, и то, что, в противном случае, герои, с другой стороны, могли *позорно порвать свои талесы*. Насмешливость восприятия, тем самым, не переходит, распространяясь, на вызванную необходимостью совместную деятельность, а таковая деятельность, каковой бы она ни была, не может и не должна вести к позорному положению утраты достойного еврейского облика.

Не разбирая подробно эти и другие аспекты, находящие свое отражение в последующем представлении той же сцены с крестьянами, – после того, как они помогли, желание насмехаться, уже при отъезде, их не оставляет, а герой, обращаясь к Всевышнему, восклицает *обрати свой взор из Вышнего чертога своего на сынов твоих. Взгляни, как богобоязненные евреи твои стали посмешищем лишь за то, что честно и благоговейно блюдут заветы твои!*, – обратимся к тому, что в этом внешнем следует понимать и видеть как выражение внутреннего.

Для еврея, и еврея богобоязненного, важно строгое соблюдение того, что полагается и что общепринято, поскольку это не только традицией, но и религиозными предписаниями освящено. Положение общеизвестное и объяснений не требующее, однако не в этом, точнее не только и не столько в этом, суть. Возвращаясь к предмету данного рассмотрения, к атрибутам, обратим внимание на облачение, отнесенное в предложенной дифференциации к подгруппе А2а ‘внутреннее свое распознаваемо-значимой формы’ – фигуратив (облачение, борода, пейсы) и характерные признаки внешнего вида, внешности – форматив. Различие того и другого, фигуратива и форматива, предполагает то, что первое организуется, создается, принимается на себя и будет зависеть от исполнителя (одежда, прическа и пр.), в то время как второе, проявляясь во внешнем облике и делая (либо не делая) человека распознаваемым, в его индивидуальных и типологических признаках

и чертах, в этническом и не только этническом отношении, – от субъекта, как правило, не зависит. И то, и другое находит свое отражение у Менделе Мойхер Сфорима в разбираемом тексте. То и другое при этом предполагает не совпадающий по своему основанию и в своей атрибутике аналитический результат. Обращая внимание на это первое (второе опустим), напомним второй процитированный ранее абзац, одно только в нем предложение – *На мне, как и полагается, был талес, филактерии, а в руках – кнут*. *Талес*, *филактерии*, *кнут* – все это, *как полагается*, т.е. по еврейскому правилу, потому что и для того, что еврей, иначе какой ты еврей после этого? Это становится важным. Однако что за этим важным стоит, чего нельзя опустить, не принять для себя?

Талес и филактерии, как атрибуты, следует отделить от кнута, еще одного атрибута, но не чего-то другого и в еврее не распознаваемого, а определяемого по основанию, отличающему его от первых двух, хотя и кнут (*в руках*), и талес с филактериями (*на мне*), и то, и другое – *как полагается*. Кнут в руках потому, что главный герой, Менделе-книгоноша, возница, с лошадью и управляет фургоном, и тогда это необходимый для производимой им деятельности атрибут, акционально-инструментального, как объект, назначения. Талес и филактерии – также объекты, и от субъекта, так же как кнут, отделяемые, однако характеристика их, как атрибутов, будет иной, более сложной, менее прагматичной и полифункциональной. Служат они для того, и этим, если не вдаваться в подробности и представлять в обобщении, будет определяться их роль, что они имеют как ритуальный, используясь во время молитвы, так и сигнальный, отличая еврея от нееврея, равно как и дивинитивный, обозначая еврейскую, по обету, связь с Всевышним, а также конвенциональный, согласно с еврейскими правилами, обычаями, договором, характер и смысл. Четыре выделяемые функции можно свести к одной, как ведущей, определяющей то, что, передаваясь в тексте словом *позорно* (если *порвать свои талесы*), отмечает необходимость блюсти, следить, соблюдать установленное. Этой ведущей функцией будет конвенциональная – так принято, так положено, потому что так принято и положено (тавтология в этом случае значима), по еврейскому соглашению, для евреев и потому что еврей. Объединяет талес и филактерии (*на мне*) с кнутом (*в руках*), и поэтому они стоят в общем ряду к *как полагается*, сигнальная функция, предполагающая возможность распознавания еврея не только по внешнему виду, но и по исполняемой им привыч-

но деятельности – разъезжать на своем фургоне, со своей, типично еврейской, лошадкой, о которой также в этом аспекте и повороте в тексте ведется речь, по городам и весям, снабжая *сынов Израиля всем необходимым для плача*.

И, возвращаясь к кнуту, в дополнение, которое будет касаться также и всего остального. Данный предмет становится распознаваемым и определяемым признаком, в атрибутивных его показателях, еврейского существования не сам по себе, а в наблюдаемом, обсервативном, контексте, – поскольку он сочетается с талесом и филактериями своего обладателя, что будет во-первых, и поскольку, как следствие из этого первого, он *в руках* у еврея, что было бы во-вторых, который, и это было бы в-ретьих, использует его как инструментальный объект своей, также типично еврейской, деятельности. Талес и филактерии, соответственно, особенно если они на мужском представителе иудейского вероисповедания (сомнительно было бы их видеть на ком-то другом), такого определяющего контекста, как для кнута, не предполагают, они являются, в своих атрибутивных определителях, показателями еврейского существования вне контекста.

Все эти обстоятельства находят свое воплощение также в последующем, в тех фрагментах, которые посвящены описанию облачения. Приведем для сравнения такое высказывание:

> Я разлегся на возу в одной, *извините, рубашке и арбаканфесе*[14], сдвинув на самую макушку *стеганую шапку* и опустив до пят *бреславльские шерстяные чулки*, которых я, *грешным делом, не снимаю и летом*.

Если *рубашка* и *шапка*, но, скорее всего, все же не *стеганая*, подобно кнуту (хотя какая именно это рубашка – вопрос, на который нет в тексте ответа), чтобы быть показателями одежды еврея, предполагают контекст, то арбаканфес и бреславльские шерстяные чулки внеконтекстны. К этому надо добавить, что действие повествования происходит летом в жару, а еврей и в жару, особенно в месте публичном, раздеваться не должен. Отсюда сопровождающие *извините* (поскольку только в рубашке и арбаканфесе, без сюртука) и *грешным делом* при чулках. Атрибутивные признаки по этой причине следует распределить. При *арбаканфесе* это было бы такое же основание, что и при филактериях с талесом, в показателях конвенционально-ритуально-сигнально-дивинитивного определения.

[14] Четырехугольный кусок белой ткани с кистями, как обязательная принадлежность еврейского облачения у мужчины.

Бреславльские шерстяные чулки, распознаваемые и значимые для представителей данной еврейской общины и не характерные для других, были бы конвенционально-сигнальными (трудно судить, ритуальными или нет). И тогда шапка, хотя бы и стеганая, если не типично еврейская, и рубашка приобретали бы свой сигнальный, распознаваемый в отношении к еврейскому существованию, смысл в сочетании с арбаканфесом и бреславльскими шерстяными чулками, добавляясь в этом своем сигнальном значении a) тем, что они на еврее и b) тем, что надеты на нем даже летом в жару.

Нечто подобное и не подобное можно увидеть также в таком фрагменте:

> Фишка обыкновенно ходил *босиком*, *без кафтана*, в одной лишь *грубой заплатанной рубахе*, *в длинном замусоленном арбаканфесе* и *широких портках из толстого полотна со множеством складок*.

Сигнальным признаком обладает лишь *арбаканфес* (который каждому еврею необходимо носить). То, что описывается еврей, можно увидеть в определении *без кафтана*, которое служит еще одной функции – изображается бедный еврей. На что дополнительно, но и контекстно, подобно рубахе, шапке, кнуту, указывает то, что ходил *босиком*, в *грубой заплатанной рубахе*, и то, что в *замусоленном арбаканфесе*. То, что в *широких портках из толстого полотна со множеством складок*, предполагает другую, индивидуальную, персонажную, характеристику. Возникает, тем самым, касаясь вопроса еврейского существования, вкладывающееся одно в другое и сочетающееся между своими проекциями изображение a) еврея в его характерных признаках, распознаваемых и отличающих его от других, не только по внешнему виду, но и в поведении, занятиях, речи и пр., b) еврея в его отношении к достатку и недостатку, бедного, не бедного, но и не богатого, или богатого, c) еврея в его типологических, определяющих данный еврейский тип, проявлениях, d) также еврея, но характеризуемого, представляемого, показываемого, в его индивидуально-еврейских, поскольку также типично еврейских, особенностях. Все это достигается автором при посредстве того, что было выбрано для данного рассмотрения как атрибуты – в их отношении, расширяя, к тому, что находит свое выражение не только в обозначенном в (a), но также и в (b), (c) и (d). Приведем в подтверждение сказанного еще один, касающийся облачения, фрагмент:

Когда я несколько лет тому назад, будучи в Глупске, увидал издали на улице Фишку, я попросту не мог прийти в себя от изумления. Мой Фишка, гляжу, ковыляет на своих хромых ногах, *одетый щеголем – в новенький черкасский кафтан, в новые ботинки и чулки*. На голове *большой плисовый картуз*, а на груди новая, *из-под иголочки манишка из туго накрахмаленного ситца в больших красных цветах!* «Что бы это могло значить? – думаю я.

Тот же Фишка, который ходил босиком без кафтана, выглядит по-другому, и именно это вызывает изумление у повествователя. Его характеристика, на сей раз как одетого *щеголем*, с перечислением всего того, что выделено нами курсивом, при недостаточном знании дополнительных обстоятельств, а контекст оснований к этому не дает, делает Фишку ничем не отличающимся или мало чем отличающимся от нееврея, поскольку кафтан на нем, хотя и непременный предмет еврейского одеяния, но *черкесский*, какого вида ботинки и бреславльские ли чулки, неизвестно. То же будет касаться и всего остального. Атрибутика его одеяния, не исключая его из еврейского круга, вместе с тем распознаваемо-показательных оснований к этому не дает, представляя его в типическом отражении, еврейском и не еврейском, том еврейском, которое не отличается или не полностью отличается по внешности от других, делая его, соответственно, *щеголем*, на какой-то все же, возможно, еврейский манер, хорошо известный повествователю и им замечаемый, но ощущаемый читателем лишь в общем контексте. Рассматривать это можно было бы как проявления характеризуемой атрибутики к (с) – еврея в его определяющих данный тип проявлениях.

В силу ограниченности объема статьи очень мало что из касающегося предмета и показанного в дифференцированном представлении в начале видится допустимым, хотя бы только затронув, отобразить. Остановимся по этой причине лишь на одном показательном положении, связанном с описанием дорожной встречи двух евреев, занимающихся каждый своими делами по снабжению сынов Израиля всем необходимым для плача и не для плача (речь о развозимых по городам и весям ими обоими книгах).

После того как заднее колесо главного персонажа зацепилось за ось другого фургона происходит такая сцена:

Из-за фургона доносятся *ругань и проклятия на еврейском языке, часто прерываемые хриплым кашлем*. «*Еврей*, — думаю я, — ну, *это не так страшно!*» И сам *тоже уже разгневанный* направляюсь к нему.

Открывается поле признака, определенного в общей схеме с помощью индекса A3 ‘внутреннее своего другого, как отдельного’, фамилиарис (еврей при встрече, беседе, контакте с ним, со стороны я, говорящего). Атрибутами данного проявления становится то, что выражено словами, выделенными курсивом. Первая группа слов отмечает 1) ‘открытый способ бурного реагирования на ситуацию, связанную с переживаемым неудобством, трудностями, в особенности вызванные кем-то другим’ (*ругань и проклятия*), определяясь к позиции 2) ‘подобное реагирование, имея спонтанный характер, оформляется с помощью слов родной речи’ (*на еврейском языке*). Возможным видится отнести это к тому, что было ранее выделено для (a) в отношении характерных признаков. Вторая группа слов (*часто прерываемые хриплым кашлем*) отмечает то, что следует относить к положению в (d), т.е. еврея в каких-то для него характерных, индивидуальных, но также типично еврейских, чертах[15]. Черты эти следует атрибутивно определять в их отношении к ‘способу возбужденного говорения, характеризующегося дискретно-хриплым сопровождением’. Далее следует исходящее от субъекта (повествователя) ‘ответное реагирование на своего, предполагающее равный, допускающий нестеснение и фамильярность, характер’ (*Еврей, это не так страшно*), из чего следует то, что, будучи выражено словами *сам тоже уже разгневанный направляюсь к нему*, было представлено в пункте (1) первой группы как ‘открытый способ бурного реагирования’.

Общий вид полученного параметра в составе A3 ‘внутреннего своего другого, как отдельного’ можно представить следующим образом:

- внутреннее своего другого, *InFam*, > (проявляемое) в способе бурного реагирования, *ReactTurb*, на ситуацию неудобства, трудностей, *SitDifficult*, вызванную кем-то другим, *ProvocAlter*, < оформляемом (способе) спонтанно вербальными средствами своего языка, *Spont(Verb<NatLing)*, > характеризующемся, будучи возбужденным, *Commot*, какими-то индивидуально окрашенными чертами, *IndSign*, < получающем, в форме реагирующего ответа, *ResponsReact*, при условии "еврейского" равенства контрагента, *AequitContrag*, аналогичный способ бурного реагирования на возникшую ситуацию, *Analog(TurbReact)*

Выразить это можно, для большей конструктивной наглядности, в виде формулы *InFam* > *ReactTurb(SitDifficult*<

[15] То, что связано с хриплым прерывистым кашлем, у автора объясняется как отличительная особенность, характеризующая данного персонажа именно в таком отношении.

ProvocAlter) < Spont(Verb<NatLing) // > Commot(IndSign) // < ResponsReact(AequitContrag) > Analog(TurbReact). Смысловая конструкция, отображающая сложившееся в повествовании положение произошедшей встречи двух персонажей предполагает последовательно уточняемые уровни, которые видятся следующим образом:

I *InFam*			
	II *ReactTurb*	III *SpontLing*	
			IV *IndSign*
	V *AnalogReact*		

Получается замкнутая, или обращаемая, конструкция 'встречи в условиях взаимного затруднения', от уровня II, реакции бурного проявления на ситуацию, через последовательные переходы использования (при спонтанности) своего языка (III), с отображением в речи индивидуально характеризующих черт (IV), к аналогичной ответной реакции – 'так, как ты, так и я, то, что ты, то и я, коль скоро мы оба евреи'. Данное положение можно рассматривать как атрибут еврейского существования в его проекции к обозначенной встрече.

Дальнейшее происходящее при той же встрече, ее развивающее и сопровождающее, только наметим, с тем чтобы показать возможности описания, после чего перейти к обобщению. Спутник главного персонажа, так же, как он, *облаченный в талес и филактерии, – не разберешь, где кнут, где ремни от филактерий*, лежит, *запутавшись в упряжи*. Начинается перепалка, злобный обмен обвинениями, с криками, чертыханьем по нарастанию. *Друг на друга мы не глядим*, *разъяренные, готовы уже, как петухи, кинуться и вцепиться друг другу в пейсы*, возбужденное состояние усиливается, вот-вот дойдет до физического воздействия, как вдруг картина меняется. Выглядит это следующим образом:

> С секунду мы стоим, молча пожирая один другого глазами. Замечательное, надо полагать, было зрелище: два еврея-«богатыря», облаченные в талесы и филактерии, стоят нахохлившись, готовые помериться силами и *подраться в чистом поле, точно в синагоге*, не будь рядом помянута!.. Стоило полюбоваться на эту картинку. Мы стоим, смотрим, и кажется – *вот-вот раздадутся звонкие оплеухи*, как *вдруг мы отскакиваем друг от друга и оба, изумленные, восклицаем в один голос*:
>
> — Ой, реб Алтер!..
>
> — Ой-ой, реб Менделе!..

Узнав друг друга, встретившиеся мгновенно меняются, возмущение и недовольство исчезают, сменяясь благодушным расположением. *После обоюдного радушного приветствия* герои тут же переходят к следующему этапу – *выпытывать друг у друга, или, как у нас говорят, «прощупывать, что у ближнего на возу лежит», разнюхивать, что на свете слыхать*.

Вся эта сцена предполагает конструкцию, в которой важным становится 1) 'затруднительное положение одного из субъектов', *SitDifficult*(S^1), проявляющееся 1a) в 'нарушении его облачения', *PerturbForm*(S^1), и 1b) в отмеченном ранее 'способе бурного реагирования в стремлении определить виновника и выместить на нем свою злобу', *React(Turb)* > [S^2 > *SitDifficult*(S^1)], 2) затруднительность положения, при столкновении с ним, который свой, не только по речи, но и по характеру возмущенного проявления, находит свой выход в 'разгорающемся обмене взаимными обвинениями, грозящем перейти в апогей', *Incret(PermutAccus>Culm)*, заключающийся 3) в возможности не только вербального, но и 'физического обмена с применением силы', *PermutOffens*($S^1 \leftrightarrow S^2$), – *помериться силами*, т.е. по принципу 'кто кого, кто сильнее', или *подраться в чистом поле, точно в синагоге, не будь рядом помянута!* Из чего следует, что в синагоге нечто такое имеет место и, тем самым, способно себя проявлять и в других обстоятельствах.

К этому видится немаловажным добавить, что участники, в своей разъяренности, не видят друг друга, каждый занят собственным возмущением, обращенный в себя, – *Друг на друга мы не глядим*. И только когда положение достигает своего апогея, с тем, чтобы увидеть – на кого нападать, с кем придется мериться силой (толкает к этому не осознаваемый импульс), они начинают друг на друга смотреть, – *С секунду мы стоим, молча пожирая один другого глазами*. Это ведет к узнаванию с определением не только того, что противник 'свой' и еврей, но и, если не близкий, то 'хорошо знакомый'. Данное положение в корне меняет дело. Из этого следует то, что 4) 'знакомство, в условиях затруднительного положения вне дома, на дороге, в пути, при отсутствии к тому же евреев-свидетелей, предполагает не только неуместность перехода к этапу физического воздействия при споре и обмене возмущенными репликами, но и радушие, и приветствие', после которого возникает возможность перейти к чему-то совершенно иному – 5) 'расспрашиванию с целью выяснения цели движения и всех возможных, а также не связанных с ней обстоятельств'.

Получается, определяемая как типичная, трехкомпонентная схема ‘встречи в условиях затруднительного положения, созданного, по мнению субъекта S^1, кем-то своим, или S^2’: (a) $SitDifficult(S^1) > PerturbForm(S^1)$ // (b) $[SitDifficult(S^1) < S^2(InFam)] > React(Turb)S^1 > S^2 > Incret[PermutAccus(S^1 \leftrightarrow S^2) > Culm] > PermutOffens(S^1 \leftrightarrow S^2)$ // (c) $[S^2(SitDifficult > S^1) > Cognit(S^1 \leftrightarrow S^2)] > BenSalut(S^1 \leftrightarrow S^2) > Quest(S^2 \leftrightarrow S^1)$, – (a) 'ситуация затруднения', (b) 'определение виновника затруднения как своего и обмен возмущенными репликами, достигающий апогея', (c) 'узнавание в виновнике хорошо знакомого и переход к благодушной беседе после приветствия'.

Данная схема предполагает не только типичный вид, обусловленный ранее отмеченными обстоятельствами, но и возможность дальнейшего распространения. Находит это свое выражение в последующем повествовании, с такими типичными проявлениями, как ответ на вопрос *вопросом по еврейскому обыкновению не отвечать прямо, а говорить полусловами, намеками*, обмен ничего не значащими и не дающими представления о предмете репликами, попытки *«прощупать»* своего собеседника, узнать что-нибудь о нем и от него, всевозможного рода подмены, разговор ни о чем, многозначные и не многозначные, но характерные, междометия типа *А-а?, Бе!, О-о!, Н-на!, Ах!* и т.п. Все это также, в развитии и переходах от одного предмета речи к другому, имеет свою выразительную, в своих атрибутах, окраску и также укладывается в организуемые типичным образом концептуальные схемы, передающие характеризующие особенности еврейского коммуникативного взаимодействия, связываемые с условиями положения, участников и ситуации. Подобным образом можно рассматривать и другие стороны еврейского существования, находящие свое выражение в выбранном для анализа тексте. В качестве средства такого анализа были взяты представленные в статье атрибуты, смысл которых связывается с их способностью передавать значения, определяемые как характеризующие, а также, объединяясь и сочетаясь, составлять конструкции, отображающие оформляемое парадигматически и синтагматически знание и типичные проявления представителей данной этнокультуры.

Библиография

Abchuk A.P., *Mendele Moĭkher-Sforim (Sh.I͡A. Abramovich): Ego zhizn' i ego proizvedenii͡a*, Kul'tur-Liga, Kiev 1927 [Абчук, А.П., *Менделе Мойхер-Сфорим (Ш.Я. Абрамович): Его жизнь и его произведения*, Культур-Лига, Киев 1927].

Abramovich E., *Nash Mendele: Dnevniki docheri Mendele Moĭkher-Sforima (Sholoma I͡Akova Abramovicha) Nadezhdy Abramovich s kommentarii͡ami i dopolnenii͡ami sovremennikov i potomkov*, Ruxanda, Kishinëv 1999 [*Абрамович* E., *Наш Менделе: Дневники дочери Менделе Мойхер-Сфорима (Шолома Якова Абрамовича) Надежды Абрамович с комментариями и дополнениями современников и потомков*, Ruxanda, Кишинёв 1999].

Abramovich M.S., *"Sion" legudy ga-Levi (posvi͡ashchaetsi͡a Solomonu Moiseevichu Abramovichu)*, "Voskhod" 1886, no. 8, pp. 165–172 [Абрамович, М.С., *«Сион» Иегуды га-Леви (посвящается Соломону Моисеевичу Абрамовичу)*, «Восход» 1886, № 8, с. 165–172].

Abramovich N.S., Dobrin-Abramovich Al., *Dedushka mezhdu svoimi i chuzhimi: Vospominanii͡a dochereĭ Mendele*, Kul'tur-Liga, Varshava 1928 [Абрамович Н.С., Добрин-Абрамович Ал., *Дедушка между своими и чужими: Воспоминания дочерей Менделе*, Культур-Лига, Варшава 1928].

Abramovich Sh.I͡A. (Mendele Moĭkher"-Sforim"), *Fishka Khromoĭ*. Perevod s evreĭskago T. Geĭlikmana, "Pol'za", V. Antik i Ko, Moskva 1913 [Абрамовичъ Шолемъ Я. (Менделе Мойхеръ-Сфоримъ), *Фишка Хромой*, переводъ с еврейскаго Т. Гейликмана, «Польза», В. Антикъ и К°, Москва 1913].

Ben-Iosif, *Ocherki novoevreĭskoĭ literatury: S.M. Abramovich i ego 25-letni͡ai͡a dei͡atel'nost'*, "Evreĭskie obozrenii͡a", Sankt-Peterburg 1884, kn. 7, pp. 129–144 [Бен-Иосиф, *Очерки новоеврейской литературы: С.М. Абрамович и его 25-летняя деятельность*, «Еврейские обозрения», Санкт-Петербург 1884, кн. 7, с. 129–144].

Binshtok L.M., *Prazdnik zhargonnoĭ literatury: S.M. Abramovich i ego 25-letni͡ai͡a literaturnai͡a dei͡atel'nost'*, "Voskhod" 1884, no. 2, pp. 1–32 [Бинштокъ, Лев М., *Праздник жаргонной литературы: С.М. Абрамович и его 25-летняя литературная деятельность*, «Восход» 1884, № 2, с. 1–32.].

Borovoĭ S.I͡A., *Vospominanii͡a*, Moskva–Ierusalim 1993 [Боровой С.Я., *Воспоминания*, Москва–Иерусалим, 1993].

Buber M., *I͡A – Ty*; M. Buber, *Dva obraza very*, Respublika, Moskva 1995, pp. 16–92 [Бубер М., *Я – Ты*; М. Бубер, *Два образа веры*, Республика, Москва 1995, с. 16–92].

Chernin V., *«Mnogogo reb Khaim-Shulim i ne razobral». Idish kak substrat russkogo i͡azyka Osipa Rabinovicha*, <https://www.lechaim.ru/ARHIV/176/chernin.htm> [Чернин В., *«Многого реб Хаим-Шулим и не разобрал». Идиш как субстрат русского языка Осипа Рабиновича*, <https://www.lechaim.ru/ARHIV/176/chernin.htm>].

Das Mendele Buch. Latters and autobiographical sketches, photos, drawings, facsimiles of Mendele Moycher Sforim, essays and ed. N. Mayzel, New-York 1959.

Deleuze G., *Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo*; G. Deleuze, *Logika smysla*, Akademicheskiĭ proekt, Moskva 2011, pp. 395–421 [Делёз, Жиль, *Мишель Турнье и мир без Другого*; Ж. Делёз, *Логика смысла*, Академический проект, Москва 2011, с. 395–421].

Dmitrevskai͡a I.V., *Problema real'nosti v filosofii I. Kanta*, https://kant-online.ru/wp-content/uploads/2014/04/09 [Дмитревская И.В., *Проблема реальности в философии И. Канта*, <https://kant-online.ru/wp-content/uploads/2014/04/09>].

Druker I.Kh., *Dedushka Mendele*, Evreĭskai͡a kniga, Varshava 1964 [Друкер И.Х., *Дедушка Менделе*, Еврейская книга, Варшава 1964].

Ėpel'boĭm B., *Dedushkin zakat*, Izdatel'stvo Kh. Bzhozy, Varshava 1931 [Эпельбойм Б., *Дедушкин закат*, Издательство Х. Бжозы, Варшава 1931].

Finkel' U.G., *Mendele Moĭkher-Sforim: Detstvo i ĭ͡unost'*, 1 chast', Gosudarstvennoe izdatel'stvo Belorussii, Minsk 1937 [Финкель У.Г., *Менделе Мойхер-Сфорим: Детство и юность*, 1 часть, Государственное издательство Белоруссии, Минск 1937].

Frenkel' A., *Eshche raz o "Vstupitel'nom slove"Mendele*, Narod knigi v mire knig. Evreĭskoe knizhnoe obozrenie, Sankt-Peterburg 2023, s. 1 [Френкель, Александр, *Еще раз о «Вступительном слове» Менделе*. Народ книги в мире книг. Еврейское книжное обозрение, Санкт-Петербург 2023].

Gorobchuk A.P., *Mendele Moĭkher-Sforim (Abramovich Solomon Moĭseĭovich)*, "Miĭ Berdichiv", 12 serpni͡a 2008 [Горобчук А.П., *Менделе Мойхер-Сфорім (Абрамович Соломон Мойсейович)*, «Мій Бердичів», 12 серпня 2008].

Grashchenkov P.V., *Grammatika prilagatel'nogo: Tipologii͡a ad"ektivnosti i atributivnosti*, I͡Azyki slavi͡anskoĭ kul'tury, Moskva 2019 [Гращенков П.В., *Грамматика прилагательного: Типология адъективности и атрибутивности*, Языки славянской культуры, Москва 2019].

Guseĭnova M.M., *Kategorii͡a atributivnosti i ee vyrazhenie v darginskom i͡azyke*, dis… kand. filol. nauk, Makhachkala 2002 [Гусейнова М.М., *Категория атрибутивности и ее выражение в даргинском языке*, дис… канд. филол. наук, Махачкала 2002].

I͡Akhinson I.B., *Ėpokha Mendele: Antologii͡a*, Kul'tur-Liga, Kiev 1927 [Яхинсон И.Б., *Эпоха Менделе: Антология*, Культур-Лига, Киев 1927].

Kagan A.I͡A., *U reki Gnilopi͡atki: Ėpizod iz zhizni Mendele Moĭkher-Sforima*, Detizdat pri T͡SK LKMSU, Khar'kov 1937 [Каган А.Я., *У реки Гнилопятки: Эпизод из жизни Менделе Мойхер-Сфорима*, Детиздат при ЦК ЛКМСУ, Харьков 1937].

Kantemirov E.V., *Problema Drugogo v sovremennom obshchestve*, dis… kand. filos. nauk, Ekaterinburg 2004 [Кантемиров Е.В., *Проблема Другого в современном обществе*, дис… канд. филос. наук, Екатеринбург 2004].

Kerimov T.Kh., *Gumanitarizat͡sii͡a obshchestvoznanii͡a i problema Drugogo*, in: 'Drugoĭ' v prostranstve kommunikat͡sii, sost. i red. S.K. Shaĭkhitdinova, Izd. Kazanskogo gos. un-ta, Kazan' 2007, pp. 7–21 [Керимов Т.Х., *Гуманитаризация обществознания и проблема Другого* // «Другой» в пространстве коммуникации, сост. и ред. С.К. Шайхитдинова, Изд. Казанского гос. ун-та, Казань 2007, с. 7–21].

Khabibullina L.G., *Atributivnost' kak semanticheskai͡a kategorii͡a*, "Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta" 2023, t. 45, no. 5, pp. 62–66 [Хабибуллина Л.Г., *Атрибутивность как семантическая категория*, «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» 2023, т. 45, № 5, с. 62–66].

Khanakhu D.R., *Atributivnye slovosochetanii͡a v russkom i angliĭskom i͡azykakh (sopostavitel'no-tipologicheskiĭ analiz)*, dis… kand. filol. nauk, Maĭkop 2007 [Ханаху Д.Р., *Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ)*, дис… канд. филол. наук, Майкоп 2007].

Knigonosha Mendele: proza M. Moĭkher-Sforima. Vospominanii͡a i stat'i o nem, sost. A.A. Misi͡uk, E.L. I͡Avorskai͡a, Ėkologii͡a, Odessa 2017 [*Книгоноша Менделе: проза М. Мойхер-Сфорима. Воспоминания и статьи о нем*, сост. А.А. Мисюк, Е.Л. Яворская, Екология, Одесса 2017].

Koul P., *Referentnai͡a neprozrachnost', atributivnost' i performativnai͡a gipoteza*, "Novoe v zarubezhnoĭ lingvistike", vyp. 13, Progress, Moskva 1982, pp. 391–405 [Коул П., *Референтная непрозрачность, атрибутивность и перформативная гипотеза*, «Новое в зарубежной лингвистике», вып. 13, Прогресс, Москва 1982, с. 391–405].

Kudakova E.E., *Intersub"ektivnost' i dialog (opyt ėkzistent͡sial'no-fenomenologicheskoĭ kharakteristiki otnoshenii͡a I͡A – Drugoĭ)*, dis… kand. filos. nauk, Rostov-na-Donu 2002 [Кудакова Е.Е., *Интерсубъективность и диалог (опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я – Другой)*, дис… канд. филос. наук, Ростов-на-Дону 2002].

Kumykova (Guchapsheva) E.T., *Ob akt͡sional'nosti / neakt͡sional'nosti semanticheskogo komponenta imeni i ego aktualizat͡sii v ad"ektivnom slovosochetanii*, "Nauchnyĭ dialog" 2018, no. 5, pp. 83–92 [Кумыкова (Гучапшева) Э.Т., *Об акциональности / неакциональности семантического компонента имени и его актуализации в адъективном словосочетании*, «Научный диалог» 2018, № 5, с. 83–92].

Levinas E., *Vremi͡a i Drugoĭ. Gumanizm drugogo cheloveka*, Vysshai͡a Religiozno-Filosofskai͡a Shkola, Sankt-Peterburg 1998 [Левинас Э., *Время и Другой. Гуманизм другого человека*, Высшая Религиозно-Философская Школа, Санкт-Петербург 1998].

Liptzin S., *A History of Yiddish Literature*, Jonathan David Publishers, Middle Village, New York 1972, p. 40–45.

Maĭzel' N., סאָד רוב־עלעדנעמ ("Kniga Mendele" – na i͡az. idish), IKuF, N'i͡u-Ĭork 1959 [Майзель Н., סאָד רוב־עלעדנעמ («Книга Менделе» – на яз. идиш), ИКуФ, Нью-Йорк 1959].

Mendele i ego ėpokha: k 10–letneĭ godovshchine so dni͡a smerti, Kul'tur-Liga, Kiev 1927 [*Менделе и его эпоха: к 10–летней годовщине со дня смерти*, Культур-Лига, Киев 1927].

Mendele i ego vremi͡a: Materialy k istorii evreĭskoĭ literatury v XIX stoletii, Der Ėmes, Moskva 1940 [*Менделе и его время: Материалы к истории еврейской литературы в XIX столетии*, Дер Эмес, Москва 1940].

Mendele Moĭkher Sforim (Sh.I͡A. Abramovich): K 10-letii͡u ego smerti: Skhema dli͡a raboty v shkolakh, Kraĭnarkompros, Odessa 1927 [*Менделе Мойхер Сфорим (Ш.Я. Абрамович): К 10–летию его смерти: Схема для работы в школах*, Крайнаркомпрос, Одесса 1927].

Mendele Moĭkher Sforim (Sholem I͡Ankev Abramovich): V chest' ego 75–letnego i͡ubilei͡a, Izdanie Kievskogo komiteta Evreĭskogo literaturnogo obshchestva, Kiev 1911 [*Менделе Мойхер Сфорим (Шолем Янкев Абрамович): В честь его 75–летнего юбилея*, Издание Киевского комитета Еврейского литературного общества, Киев 1911].

Mendele Moĭkher Sforim: I͡Ubileĭnyĭ al'bom, Izdatel'stvo "Mendele", Varshava i dr., b.d. [*Менделе Мойхер Сфорим: Юбилейный альбом*, Издательство «Менделе», Варшава и др., б.д.].

Mendele M.-S., *Malen'kiĭ chelovechek. Puteshestvii͡a Veniamina Tret'ego. Fishka Khromoĭ*, per. M. Shambadala, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoĭ literatury, Moskva 1961 [Менделе М.С., *Маленький человечек. Путешествия Вениамина Третьего. Фишка Хромой*, пер. М. Шамбадала, Государственное издательство художественной литературы, Москва 1961].

Mendele Moĭkher-Sforim: Ego zhizn' i ego trudy, Izdatel'stvo "Mendele", Varshava 1928 [*Менделе Мойхер-Сфорим: Его жизнь и его труды*, Издательство «Менделе», Варшава 1928].

<Moyher-Sforim Fishka_Hromoy_RuLit_Net.rtf>

Niger S., *Mendele Moĭkher-Sforim*, Chicago 1936 [Нигер Ш., *Менделе Мойхер-Сфорим*, Чикаго 1936].

Noveĭshiĭ filosofskiĭ slovar', <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/128-atribut> [*Новейший философский словарь*, <https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/128-атрибут>.

Nusinov I.M., *Mendele-Moĭkher-Sforim*, Literaturnai͡a ėnt͡siklopedii͡a, t. 7, OGIZ RSFSR, Sovetskai͡a Ėnt͡siklopedii͡a, Moskva 1934, stlb. 150–157 [Нусинов

И.М., *Менделе-Мойхер-Сфорим*, Литературная энциклопедия, т. 7, ОГИЗ РСФСР, Советская Энциклопедия, Москва 1934, стлб. 150–157].

Pines M.I͡A., *Klassicheskie pisateli maskilitskoĭ ėpokhi. Sh.I͡A. Abramovich (Mendele Moĭkher-Sforim)*, in: M.I͡A. Pines, *Istorii͡a evreĭskoĭ literatury: na evreĭsko-nemet͡skom dialekte*, per. s nem. s predisl. i dop. S.S. Vermel', Universal'noe knigoizdatel'stvo L.A. Stoli͡ar, Moskva 1913, pp. 116–157 [Пинес М.Я., *Классические писатели маскилитской эпохи. Ш.Я. Абрамович (Менделе Мойхер-Сфорим)* // М.Я. Пинес, *История еврейской литературы: на еврейско-немецком диалекте*, пер. с нем. с предисл. и доп. С.С. Вермель, Универсальное книгоиздательство Л.А. Столяръ, Москва 1913, с. 116–157].

Poslednee predislovie "dedushki": K 100–letii͡u so dni͡a smerti Mendele Moĭkher-Sforima, "Narod Knigi v mire knig" 2017, no. 131 [*Последнее предисловие «дедушки»: К 100–летию со дня смерти Менделе Мойхер-Сфорима*, «Народ Книги в мире книг» 2017, № 131].

Sartr Z.-P., *Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoĭ ontologii*, Respublika, Moskva 2000 [Сартр Ж.-П., *Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии*, Республика, Москва 2000].

Shalit M., *Kalendari v nasheĭ literature: Ot Mendele Moĭkher Sforima do nynesh-nego vremeni*, Staroe–Novoe, Vil'no 1929 [Шалит, М., *Календари в нашей литературе: От Менделе Мойхер Сфорима до нынешнего времени*, Старое–Новое, Вильно 1929].

Shapinskai͡a E.N., *Obraz Drugogo v tekstakh kul'tury*, URSS, Moskva 2012 [Шапинская Е.Н., *Образ Другого в текстах культуры*, URSS, Москва 2012].

Shmelev A.D., *Russkiĭ i͡azyk i vnei͡azykovai͡a deĭstvitel'nost'*, I͡Azyki slavi͡anskoĭ kul'tury, Moskva 2002 [Шмелев А.Д., *Русский язык и внеязыковая действительность*, Языки славянской культуры, Москва 2002].

Shtikhve R., *Ambivalentnost', indifferentnost' i sot͡siologii͡a chuzhogo*, "Zhurnal sot͡siologii i sot͡sial'noĭ antropologii" 1998, t. 1, no., pp. 41–52 [Штихве Р., *Амбивалентность, индифферентность и социология чужого*, «Журнал социологии и социальной антропологии» 1998, т. 1, №1, с. 41–52].

Slovar' russkogo i͡azyka v chetyrekh tomakh, izd. 2–e, gl. red. A.P. Evgen'eva, t. I, Russkiĭ i͡azyk, Moskva 1981 [*Словарь русского языка в четырех томах*, изд. 2–е, гл. ред. А.П. Евгеньева, т. I, Русский язык, Москва 1981].

Sokhranenie kul'tury idisha. Mendele Moĭkher Sforim, <https://yiddish-culture.com/ru/literature_ru/mendele-mocher-sforim_ru/> [*Сохранение культуры идиша. Менделе Мойхер Сфорим*, <https://yiddish-culture.com/ru/literature_ru/mendele-mocher-sforim_ru/>].

Turni͡anski K., *Pervye proizvedenii͡a Sh.I͡A. Abramovicha na i͡azyke idish*, in: K. Turni͡anski, *Glavy iz istorii i kul'tury evreev Vostochnoĭ Evropy*, Open University of Israel, 1995, ch. 5: I͡Azyk i literatura, pp. 106–125 [Турнянски Х., *Первые произведения Ш.Я. Абрамовича на языке идиш* // Х. Турнянски, *Главы из истории и культуры евреев Восточной Европы*, Open University of Israel, 1995, ч. 5: Язык и литература, с. 106–125].

Vaĭnraĭkh M., *Kartiny iz istorii evreĭskoĭ literatury: S nachala do Mendele Moĭkher-Sforima*, Izdatel'stvo "Pal'ma" Iosifa Kamermakhera, Vil'no 1928 [Вайнрайх М., *Картины из истории еврейской литературы: С начала до Менделе Мойхер-Сфорима*, Издательство «Пальма» Иосифа Камермахера, Вильно 1928].

Viner M., *Ėti͡udy o Mendele*, Der Ėmes, Moskva 1935 [Винер М., *Этюды о Менделе*, Дер Эмес, Москва 1935].

Zagraevskai͡a T.B., Dubovskiĭ M.D., Zagraevskai͡a S.M., *Valentnost' i sochetaemost' v strukture anglo- i russkoi͡azychnykh mnogokomponentnykh atributivnykh slovosochetaniĭ*, "Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki" 2023, t. 16, vyp. 5, pp. 1579–1584 [Заграевская Т.Б., Дубовский М.Д., Заграевская С.М., *Валентность и сочетаемость в структуре англо- и русскоязычных*

многокомпонентных атрибутивных словосочетаний, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2023, т. 16, вып. 5, с. 1579–1584].

Zalizni͡ak A.A., *Russkoe imennoe slovoizmenenie*, Nauka, Moskva 1967 [Зализняк А.А., *Русское именное словоизменение*, Наука, Москва 1967].

Zalledinova Z.K., *Atributivnye i predikativnye sredstva vyrazhenii͡a prinadlezhnosti v angliĭskom i russkom i͡azykakh*, "Filologii͡a i lingvistika v sovremennom obshchestve", Materialy I Mezhdunarodnoĭ nauchnoĭ konferent͡sii (Moskva, maĭ 2012), Vash poligraficheskiĭ partner, Moskva 2012, pp. 64–66 [Заллединова Ж.К., *Атрибутивные и предикативные средства выражения принадлежности в английском и русском языках*, «Филология и лингвистика в современном обществе», Материалы I Международной научной конференции (Москва, май 2012), Ваш полиграфический партнер, Москва 2012, с. 64–66].